

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА (1185–1204) В СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. С. Добычина

Добычина, А. С. Възстановяване на средновековната Българска държава (1185–1204) в съвременната българска историография

В статията се проучват особености на българската историография от 1985 г., свързани с образуването на Второто Българско царство. През 1980-те темата се трактува предимно по „патриотичния“ начин в термини на „освобождането“ от византийското „иго“ в съответствие с марксистската парадигма. През 1990-те и след 2000 г. две най-важни тенденции се забелязват: падането на „табута“ на миналото и интеграцията в сферата на съвременната западна наука.

Ключови думи: историография, Второто Българско царство, средновековна история, нови тенденции.

Добычина, А. С. Восстановление средневекового Болгарского государства (1185–1204) в современной болгарской историографии

В статье исследуются особенности болгарской историографии с 1985 г., связанные с образованием Второго Болгарского царства. В 1980-е гг. тема рассматривалась, главным образом, в „патриотическом“ ключе, в терминах „освобождения“ от византийского „иго“ в соответствии с марксистской парадигмой. В 1990-е и после 2000 г. можно выделить две основные тенденции: снятие „табу“ прошлых лет и интеграцию в современную западную науку.

Ключевые слова: историография, Второе Болгарское царство, медиевистика, новые тенденции.

Dobychina, A. The Restoration of the Medieval Bulgarian State (1185–1204) in Contemporary Bulgarian Historiography

The paper examines peculiarities of the Bulgarian historiography, since 1985, concerning the establishment of the Second Bulgarian Empire. During the 1980s the subject was treated predominantly in “patriotic” spirit, in terms of “liberation” from the Byzantine “yoke”, described within the Marxist paradigm. During the 1990s and after 2000 two main tendencies can be observed: breaking the “taboos” of the past and entering the realm of contemporary Western scholarship.

Keywords: historiography, Second Bulgarian Empire, medieval history, new trends.

Развитие българской государственности на протяжении всей ее многовековой истории не было непрерывным. После долгого пребывания болгарских земель и их населения в составе Османской империи, возродившаяся в 1878 г. Болгария еще очень долго должна была доказывать легитимность своего настоящего и перспективность будущего существования, обращаясь к страницам прошлого. Исторические параллели между строительством и укреплением собственного национального государства и событиями далекого доосманского Средневековья, связанными с восстановлением под предводительством братьев Асеневцев самостоятельной болгарской государственности после почти двухвекового прямого правления Византии, напрашивались сами собой. Не удивительно поэтому, что изучение этих событий, равно как и решение вопроса об исторической преемственности между державой Асеневцев и Болгарской державой Раннего Средневековья, стало для национальной болгарской исторической школы одним из приоритетов и привлекло внимание таких „корофеев“ болгарской исторической науки как В. Златарский¹, П. Ников², П. Мутафчиев³.

После окончания Второй мировой войны, ознаменованного известными переменами во внешнем и внутреннем положении Болгарии, болгарская медиевистика рассматривает становление державы Асеневцев – т. н. Второго Болгарского царства — преимущественно в русле марксистской методологии, с позиций исторического материализма. Исключение составляют, пожалуй, лишь работы исследователей, связанных с западной

системой исторического знания и поддерживавших общение с ее представителями: И. Дуйчева⁴, В. Тыпковой-Заимовой⁵, И. Божилова⁶. В целом, в качестве важнейших достижений этого периода можно признать систематизацию и введение в национальную образовательную и культурную практику накопленных ранее знаний⁷, а также издание основного корпуса письменных источников, относящихся к интересующим нас событиям (сочинений Никиты Хониата, Георгия Акрополита и некоторых др.) в рамках серии „Источники по истории Болгарии“⁸.

Существенные сдвиги в развитии болгарской историографии применительно к исследуемой теме намечаются в середине 1980-х гг., когда в Болгарии торжественно празднуется 800-летие восстания Асеневцев, и заявляют о себе в полную силу спустя несколько лет, в условиях нового резкого перелома в жизни самой Болгарии и болгар. В связи с „юбилейными“ торжествами работы, посвященные возобновлению средневекового Болгарского государства, занимают в болгарской медиевистике, без преувеличения, центральное место. В начале 1990-х гг., с падением коммунистического режима, „железного занавеса“ и выходом самой страны из т. н. „советского блока“, тема возобновления средневекового Болгарского государства обретает новую актуальность. Освобождаясь от наследия марксистской методологии, болгарские историки, теперь уже с новых позиций, продолжают активно работать над изучением событий конца XII в. Впервые за многие десятилетия они обращаются к сюжетам, которые ранее либо игнорировались вовсе, либо интерпретировались в русле „генеральной линии“ БКП. Отказываясь от „сакрализованной“ ранее формулы „Болгарское государство и болгарский народ против Византии и византийского ига“, представители болгарской историографии последнего времени стремятся представить картину этого процесса во всей ее сложности, многообразии, противоречивости и неоднозначности. Наиболее ярким течением и конкретным работам, возникшим в связи с этой темой в русле болгарской историографии последнего времени, и посвящена эта статья. В качестве „точки отсчета“ представляется оптимальным взять работы „юбилейного времени“, связанные с торжествами 1985 г., когда интерес к теме находился на одном из своих „временных пиков“, хотя и был ограничен необходимостью следовать законам „юбилейного жанра“ и общим идеологическим установкам тогдашнего болгарского политического режима. В свою очередь, завершают обзор работы 2011 года, отражающие новейшие тенденции в развитии болгарской историографии применительно к интересующей теме.

Развитие болгарской историографии в 1980-е годы: через подведение итогов – к „новому мышлению“. Бурный всплеск интереса со стороны болгарских историков к событиям, связанным с возобновлением в конце XII в. самостоятельной средневековой болгарской государственности, приходится на 1985 год, когда в Болгарии торжественно отмечается 800-летний юбилей восстания Петра и Асеня против византийского „ига“. Несомненно, что этот всплеск, во многом, был инспирирован соответствующими идеологическими и пропагандистскими установками тогдашнего политического руководства Болгарии, активно эксплуатировавшего „национально-освободительную“ тематику в собственных интересах.

В этих условиях главная задача исторических работ на „юбилейную“ тему сводится к тому, чтобы подчеркнуть не только „национальный“ характер династии Асеневцев, но и целостность, „монолитность“ болгарского народа еще в эпоху Средневековья. Особую сложность при этом должна была представлять трактовка целого ряда „неудобных вопросов“, сложившихся в болгарской историографии в связи с событиями конца XII в., включая, прежде всего, вопросы об этническом составе восставших, об этническом происхождении предводителей восстания и значении внешних факторов для его успеха. С большей или меньшей гибкостью эти вопросы историки, пишущие на „юбилейную“ тематику, пытаются „обойти“, выдвигая на первый план уже сложившиеся в национальной историографии клише о византийском „иге“ и угнетаемом болгарском народе.

Наиболее показательны в этом отношении работы одного из ведущих и наиболее влиятельных в то время историков П. Петрова „Восстановление Болгарского государ-

ства (1185–1197 гг.)⁴⁹ и „Тырново в политической истории Болгарии“¹⁰, в которых рассматривается как восстание под руководством Петра и Асеня, так и дальнейшее „укрепление Болгарского государства“.

Анализируя предпосылки восстания, П. Петров подбирает традиционные формулировки для изображения „загнивающей“ Византии, „угнетающей“ завоеванные народы. Он констатирует „жестокий феодальный гнет“, политическое бесправие болгар, лишенных самостоятельной церкви и постоянно подвергающихся угрозе ромеизации¹¹, в то время как „сидевшие на шее у провинций динаты и сборщики податей не проявляли никакого беспокойства о тех, кто одевал и кормил их своим трудом“¹². В качестве непосредственного повода к восстанию П. Петров выделяет грубое отношение императора к братьям Петру и Асеню, предводителям будущего антивизантийского выступления. Касаясь болезненного для болгарской историографии вопроса об этническом происхождении Петра и Асеня, П. Петров следует версии В. Злагарского, согласно которой братья Асеновцы – „влиятельные болгарские бояре“¹³, потомки болгарина Борила, опального сподвижника императора Алексея Комнина (1081–1118). В трактовке вопроса об этническом составе восставших П. Петров также следует традиционной линии, замечая, что византийцы давали названия населению с точки зрения военно-административного деления империи, так что употребление Никитой Хониатом двух этнических наименований применительно к восставшим – „влахи“ и „болгары“, свидетельствует не о разных народах, а лишь об огромном территориальном охвате движения¹⁴. Для подтверждения тезиса о „сквозном“, в диахронии, единстве болгарского народа в эпоху Средневековья привлекается и подходящая фраза из „Истории“ Хониата: „Сам Никита Хониат говорит о едином народе, и что Петр и Асень хотели объединить воедино жителей Мизии с жителями Фракии и Болгарии, как это было ранее“¹⁵.

Описывая ход самого восстания, П. Петров делит его на три этапа, употребляя стандартные формулы, характерные для марксистской историографии. Первый этап восстания он связывает с образованием первых боевых отрядов в Тырново¹⁶ после „предварительной агитации и подготовки восстания“. Второй – с „освобождением от византийской духовной власти и восстановлением самостоятельной болгарской церкви“. Третий – с „официальным объявлением восстания“, а, точнее, с коронацией Петра болгарским царем. Причем некое действие „бесноватых“, описанное в источниках, П. Петров интерпретирует как „вспышку неописуемой народной радости и желания довести борьбу против поработителей до конца“¹⁷. Констатируя, что для борьбы с византийцами Петр и Асень привлекали наемные половецкие отряды, П. Петров оговаривает, что они выполняли лишь вспомогательные функции¹⁸. П. Петров, в целом, сознательно обходит „половецкий фактор“, выдвигая на передний план военные заслуги Асеновцев и героизм болгарского народа. Анализируя процесс легитимации восстания, П. Петров констатирует наличие преемственности между новым политическим образованием Асеновцев и т. н. Первым Болгарским царством, некогда могущественной балканской державой.

Констатируя, что „благодаря <восстанию> пришел конец двухвековому византийскому игу, и болгарский народ снова стал творцом своей собственной исторической судьбы“, П. Петров делает вполне ожидаемый вывод о том, что события конца XII в. вернули Болгарию в ранг „великих держав“, так что она „вновь взяла на себя функции передового оплота славянских народов против Византии, крестоносцев и обрушивающихся из Азии нашествий и завоевателей“¹⁹.

В том же патристическом ключе написана статья А. Данчевой-Василевой „Возобновление и укрепление болгарского государства (1186–1197 гг.)“²⁰. Как и ее предшественники, исследовательница оценивает восстание как антифеодальное и „народно-освободительное“. По мнению А. Данчевой-Василевой, „у восставшего народа не было своей ясной идеологии и программы, кроме первичного и спонтанного чувства социальной справедливости“, однако предводители восстания „предложили ему политическую программу, в которой была отражена великая идея возобновления болгарской державы, чтобы установить болгарский социально-правовой порядок взамен ликвидации

византийского политического и экономического господства²¹. Описывая положение болгарских земель в составе Византии, исследовательница использует такие формулы как „чужеземный гнет“ (именно от него стремятся избавиться болгары), „антифеодальный характер“ (именно таково их движения за освобождение из-под власти империи), „идеологическая программа“ (применительно к усилиям предводителей восстания по его легитимации и их апелляции к культу св. Димитрия), „разрастание широкого фронта освободительного движения“. При этом сознательно обходится вопрос об этническом происхождении братьев Асенецев, половецкий фактор в событиях конца XII в., заметно идеализируются фигуры предводителей восстания, особенно Асеня, в то время как фигура Петра традиционно остается на заднем плане. В целом, исследование А. Данчевой-Василевой повторяет выводы П. Петрова о „загнивающей“ Византии, патриотической борьбе угнетенного болгарского народа, сохранившего, несмотря ни на что, свое болгарское самосознание, и превращении Болгарии в конце XII в. в могущественную балканскую державу, „непреодолимый барьер против экспансии крестоносцев на полуострове“²².

В том же „юбилейном“ 1985 г. выходит исследование Пл. Павлова „Борьба болгарского народа против византийского владычества и восстание Петра и Асеня“²³. Как и в других работах этого времени, в ней констатируется негативная роль византийского владычества в истории Болгарии: „катастрофические изменения в общем состоянии болгарской народности“, сопровождавшиеся „массовыми выселениями населения“, ударами по болгарской „феодальной аристократии, классу, который, вопреки своей эксплуататорской природе, в условиях соответствовавшего ей общественно-экономического строя, играл объективно прогрессивную, руководящую роль“²⁴. В отличие от А. Данчевой-Василевой, автор анализирует вопрос о происхождении предводителей восстания, однако приходит к вполне ожидаемому выводу, что „Петр и Асень имели болгарское народностное самосознание и были выразителями, идеологами и предводителями борьбы“²⁵. Как и в работах П. Петрова и А. Данчевой-Василевой, в статье активно используются стандартизированные формулы для характеристики освободительного движения: „борьба против поработителей“, „целенаправленная политическая подготовка“, „психологическая обработка общественного мнения“. Фигуры восставших также идеализируются: Петр и Асень называются „великими сыновьями Болгарии“²⁶.

Наряду с работами типично „юбилейного“ характера в болгарской историографии 1980-х гг. выделяются исследования, заметно отличающиеся от них по способу подачи материала: несмотря на обращение к конкретной тематике, главным предметом интереса авторов становятся концептуальные проблемы истории возобновления средневекового Болгарского государства. Среди наиболее значимых работ этого периода — „Восстановление Болгарии Асенецами (проблема власти)“ В. Тыпковой-Заимовой²⁷ и „Династия Асенецев (1186–1460)“ И. Божилова²⁸.

Статья В. Тыпковой-Заимовой „Восстановление Болгарии Асенецами (проблема власти)“²⁹ представляет собой комплексное исследование в духе западноевропейской историографии. В центре внимания автора оказываются закономерности формирования таких масштабных политических образований как „империя“, „царство“, „королевство“ в эпоху Средневековья, отличия между восточным и западным „сценариями“ развития и место державы Асенецев в ряду более или менее современных ей политических образований. Анализируя условия развития будущего Второго Болгарского царства, исследовательница обращается к проблеме пребывания болгарских земель под византийским господством и, избегая каких-либо однозначных выводов, констатирует, что „политической ассимиляции в современном значении слова не проводилось“, но позиция центральной власти состояла в том, чтобы размыть культурные особенности болгар и отодвинуть на задний план их собственное „национальное“ самосознание³⁰. Рассматривая проблему происхождения Асенецев, исследовательница также избегает определенных формулировок, подробно анализируя источники и контекст понятий, которые в них встречаются. Сопоставляя утвердившиеся в современной ей историографии мнения,

В. Тыпкова-Заимова утверждает, что Асенеvцы, скорее всего, не были представителями старой болгарской аристократии, и возвышение их рода соотносится по времени с утверждением власти Византии на землях Болгарии³¹. Затрагивая проблему главной этнической составляющей политического образования Асенеvцев и допуская активное участие влaшских этнических групп в событиях конца XII в., исследовательница категорически опровергает утвердившуюся в западной историографии концепцию о „болгаро-владшском“ царстве, аргументируя свою позицию отсутствием у владхов XII в. собственной государственной традиции³². Делая вывод о месте державы Асенеvцев среди других крупных средневековых политических образований, исследовательница констатирует, что Болгария 1185–1204 гг. представляла собой „типичное балканское средневековое государство“, имевшее „западные и византийские черты“ в сочетании со специфическими болгарскими установками и „болгарской идеей“, которая и была реализована в ходе становления Второго Болгарского царства³³.

Проблемы идеологии Второго Болгарского царства анализируются в фундаментальной работе И. Божилова 1985 г., написанной в жанре просопографического исследования и рассматривающей события конца XII в. через биографии первых правителей Второго Болгарского царства: Ивана I Асеня-Белгуна, Феодора-Петра и Калояна. В отличие от своих коллег, И. Божилов подробно останавливается на вопросах происхождения Асенеvцев и этнического состава восставших³⁴. Рассматривая эти вопросы как „искусственную проблему, тормозящую до известной степени развитие медиевистики“³⁵, И. Божилов категорично заявляет, что в большинстве случаев византийские и западноевропейские авторы конца XII и самого начала XIII вв. использовали термин „влахы“ для обозначения болгар центральных, северных и северо-восточных территорий Болгарии³⁶. Затрагивая проблему происхождения Петра и Асеня, И. Божилов констатирует, что Асенеvцы происходили из той болгарской аристократии, которая формировалась в Паристрионе в XII в. и стала выразителем стремлений болгарского народа к свержению византийской власти³⁷. В традиционном для болгарской историографии ключе исследователь осмысливает роли Петра и Асеня в событиях конца XII в.: поскольку „все источники выдвигают на передний план младшего брата“, Асеня, Божилов делает вывод о том, что именно он руководил восстанием, и все важные идеи исходили именно от него. Что же касается старшего брата, Петра, коронованного, по мнению исследователя, в Преславе, то его роль сводилась исключительно к олицетворению исторической традиции и преемственности между государством Асенеvцев и Первым Болгарским царством³⁸. К возможным причинам пассивной роли Петра в политике возобновленного Болгарского царства И. Божилов причисляет временный разрыв между братьями, когда Петр пошел на соглашение с императором Исааком II Ангелом, в то время как Асень остался непримиримым противником Византии. В результате последующего урегулирования отношений между ними, Петр получил апанажное владение в Преславе, сохранив свои формальные властные полномочия, и в стране сложилась особая форма государственного управления – двоевластие Петра и Асеня, существовавшее на протяжении первого десятилетия истории Второго Болгарского царства³⁹. Освещая наиболее значимые события конца XII в., И. Божилов замечает, что поворотным моментом в развитии движения, возглавляемого Асенеvцами, стоит считать не заключение т. н. Ловечского мирного договора 1188 г., а переговоры Петра и Асеня с императором Фридрихом Барбароссой. Именно здесь, согласно исследователю, впервые раскрывается внешнеполитическая программа возобновленного Болгарского государства, восходящая к „*Rex Symeonica*“ и связанная с процессом „*Renovatio Imperii*“ — могущественного Болгарского государства, способного конкурировать с Византией на Балканском полуострове. Согласно И. Божилову, из этого следует, что, организуя походы против болгар, византийский император Исаак II Ангел боролся не с мятежниками-сепаратистами, а пытался уничтожить возобновленное Болгарское царство как государственное образование, способное конкурировать с Византией в доминировании на Балканах⁴⁰.

Наконец, дух „юбилея“ отражается и на развитии болгарской археологии рассма-

триваемого периода: в центр внимания археологов попадает топография столицы возобновленного Болгарского царства, „колыбели восстания“ Тырново и местоположение храма св. Димитрия (где было провозглашено само восстание). С 1976 по 1985 гг. под руководством архитектора Т. Теофилова проводятся масштабные работы по реконструкции храма. Результат вызывает неоднозначные отклики: сомнения скептиков связаны с локализацией храма на окраине средневекового города, в т. н. „Нижнем квартале“, почти у самой крепостной стены, а также спорная датировка найденных на этом месте археологических объектов. Тем не менее, в целом реконструкция признается вполне удачной, а местоположение самого храма св. Димитрия в „нижнем квартале“ достоверным и не подлежащим сомнению.

Еще в 1985 г. выходит статья А. Попова „Асенеццы и „новый город“ в Тырново“, предлагающая аргументы в пользу локализации храма именно в „новом квартале“, у самой реки Янтра, и связывающая его строительство с существованием здесь еще до восстания 1185 г. некоего фамильного монастыря Асенецев, в некоем их родовом владении⁴¹. В 1986 г. официальная версия относительно топографии Тырново и местоположения храма св. Димитрия находит свое отражение в разделе „Градоустройство и архитектура“ в рамках трехтомной „Истории Велико Тырново“⁴². Здесь обобщаются сведения о пригородах Тырново, о холмах Царевец, Трапезица и их ближайших окрестностях „подножиях“, в одном из которых располагался храм св. Димитрия как „доминанта в этой части города“⁴⁴, „представляющая Тырновскую архитектурно-художественную школу“⁴⁴. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. появляется ряд статей Т. Теофилова, обосновывающего правомерность своей реконструкции и датировки храма концом XII в.⁴⁵

Параллельно с этим, исследования по топографии средневекового Тырново велись Й. Алексиевым, внимание которого было сосредоточено, прежде всего, на изучении холмов Царевец и Трапезица как археологических объектов, применительно к XI и XII вв.⁴⁶, а также средневековых тырновских монастырей⁴⁷. На основе материала раскопок конца 1980-х – начала 1990-х годов Й. Алексиев приходит к выводу о том, что в период византийского владычества Тырново было преимущественно аграрным поселением со слабо выраженной ремесленной деятельностью⁴⁸, но при этом одним из важнейших опорных пунктов византийской власти в подножии Балканских гор⁴⁹.

Болгарская историография после 1989 г.: процесс интеграции в мировую историческую науку. Резкие перемены, произошедшие во внешнем и внутреннем положении Болгарии в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (падение коммунистического режима и начало масштабных политических и экономических преобразований, крах т. н. „советского блока“, необходимость скорейшего поиска своего места в изменившемся мире и т.д.), не могли не отразиться на положении и состоянии исторической науки в стране. Падение прежних цензурных ограничений и идеологических „табу“ сопровождалось большим количеством самых разнообразных материалов и публикаций на темы национальной истории в ставших независимыми СМИ – вплоть до откровенно спекулятивных. Не стали исключением и сюжеты, связанные с восстановлением в конце XII в. самостоятельной средневековой болгарской государственности, которые оказались востребованы не только на страницах печати, но и в русле митинговой стихии⁵⁰. Вместе с тем, несмотря на переживаемые Болгарией общественно-политические и социально-экономические потрясения, в стране и в это время не прекращается деятельность собственно научных центров в области исторического знания, продолжают публиковаться научные работы, проводятся научные форумы того или иного рода.

Характерной особенностью работ, написанных в этот период, становится повышенное внимание к тем „неудобным вопросам“, которые так упорно обходили своим вниманием авторы работ „юбилейного“ времени: положение завоеванных болгарских земель в рамках Византийской империи, роль половецкого фактора в возобновлении Болгарского царства, религиозно-политическая практика первых Асенецев и т.д.

Так, в 1989 г. в свет выходит работа Пл. Павлова „Средневековая Болгария и половцы“, в которой процесс восстановления Болгарского царства вписывается в контекст

болгаро-половецких военно-политических отношений⁵¹. При этом подчеркивается, что именно союз Асеневцев с половецкими ханами в условиях внутренних потрясений и противостояния с Византией оказался настоящим успехом болгарской дипломатии⁵². Указывая на тот факт, что в XI–XII вв. в византийской феме Паристрион (т. е. в северо-восточных болгарских землях) проводилась целенаправленная политика „миксоварваризации“⁵³, автор склоняется к версии о болгаро-половецком происхождении Петра и Асеня. В работе Пл. Павлова впервые затрагивается такой сюжет как инструменты укрепления союзнических болгаро-половецких связей: формирование образа общего врага в лице византийцев как изнеженных, лживых, коварных и женоподобных, апелляция к этническому родству протоболгар и половцев, повышение авторитета половецких вождей среди болгар. В разрез с укоренившимся к 1985 г. клише о „загнивающей“ Византии, Пл. Павлов пишет о „все еще чувствующейся мощи империи“⁵⁴, для противостояния которой потребовалось не только привлечение половцев, но и активная деятельность по возведению фортификационных сооружений⁵⁴.

Проблему пребывания болгарских земель в составе Византии затрагивает И. Петкова в своей статье „Некоторые моменты в развитии взаимоотношений между Византией и болгарскими землями в XI–XII вв.“⁵⁵. В работе опровергается давно утвердившееся в болгарской историографии мнение о якобы проводившейся империей жесткой политике по отношению к завоеванному населению: о широком принудительном употреблении греческого языка в подвластных Византии болгарских землях как важной части целенаправленной ромеизации болгар⁵⁶, о некоей „ромеизации“ вообще и высокомерном отношении ромеев к новым подданным их империи⁵⁷. Это направление историографии было успешно продолжено в недавней диссертационной работе Л. Илиевой. Помимо статуса болгар и их языка в рамках Византийской империи, исследовательница подробно рассматривает особенности социально-экономического положения болгарских земель, развития болгарских городов и религиозно-культурной жизни в болгарских землях в XI–XII вв.⁵⁸ Так, Л. Илиева приводит археологические данные, связанные с периодом пребывания болгарских земель в составе Византии, которые свидетельствуют об экономическом росте, а отнюдь не об упадке и кризисе, любимом клише болгарской историографии. Более того, именно с экономической стабильностью в болгарских землях Л. Илиева связывает временное затишье в политической активности болгар и отсутствие выступлений против Византии в конце XI – начале XII в.⁵⁹ Тем не менее, кризисный период конца XII в., возобновление печальной практики добровольной продажи в рабство среди местного населения, по мнению исследовательницы, обеспечивает успех „делу“ Асеневцев⁶⁰. Рассматривая этно-демографическую ситуацию в болгарских землях, Л. Илиева констатирует наличие т. н. „миксоварваров“ в придунайских землях и постоянный процесс миграции местного болгарского населения как в район Балканских гор, так и в Странджу и Родопы.

Помимо обращения к „неудобным вопросам“, не меньшее воздействие на формирование облика новой болгарской историографии оказывает тот фактор, что в связи с переменной внешнеполитического курса болгарские ученые получают возможность активно участвовать в развитии мировой и, прежде всего, европейской науки. Пока молодое поколение накапливает опыт, в авангарде „обновления“ болгарской медиевистики выступают историки старшего поколения, сформировавшиеся как профессионалы еще до „юбилея“ 1985 г., но прошедшие в свое время западноевропейскую (немецкую или французскую) школу, а потому сумевшие быстро адаптироваться к новым условиям. Так, в 1995 г. выходит в свет монография И. Божилова „Семь этюдов по средневековой истории“⁶¹, написанная явно под влиянием классика французской историографии П. Лемерля⁶² в жанре небольших, но ёмких по содержанию отдельных исследований.

В рамках „этюда“ „Асеневцы: *Renovatio imperii Bulgarorum et Graecorum*“ И. Божилов вновь обращается к своей оригинальной концепции, изложенной им ранее в работе „Династия Асеневцев“, оперируя терминами „*Renovatio Imperii Bulgarorum et Graecorum*“ и „*Rax Symeonica*“⁶³. Он отвергает понятие „восстание“ применительно к

выступлению Петра и Асеня и после детального анализа источников, как указывает он сам, на „семантическом, идеологическом, фактологическом уровнях“ приходит к выводу о том, что речь идет о некоем „отделении“, „государственном перевороте“ и даже „узурпации“⁶⁴, причём не в целях „освобождения“ как такового, а для „восстановления некогда существовавшего единства болгарского народа в его исконных этнических и политических границах“. Характеризуя развитие Болгарии в начале XIII в., И. Божилов критикует как некий „комплекс“ своих коллег традиционное представление о том, что в поисках легитимации своей власти Асеновцы искали международного признания как со стороны императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы, так и со стороны папской курии. Возобновленной Болгарии незачем было искать подтверждения своего суверенитета, поскольку к этому времени она уже располагала всеми признаками суверенного государства, а именно: независимой церковью и собственным коронованным правителем. Переговоры Асеновцев с крестоносцами, а затем и с Римом велись исключительно в целях создания союза против Византии в рамках реализации все того же проекта „Renovatio Imperii Bulgarorum et Graecorum“⁶⁵. Соответственно, и в физическом устранении Асеновцев стоит искать не „внутриболгарский“ след в лице недовольных половцев или местных бояр с их склонностью к сепаратизму, но происки Византии, встревоженной стремительным ростом влияния опасного соседа.

Концепция И. Божилова находит свое отражение и в рамках соответствующего раздела, озаглавленного как „Возобновление Болгарского царства“, в рамках нового коллективного труда по истории Болгарии, опубликованного в трех томах в 1999 г.⁶⁶ Помещая возобновление царства в традиционный хронологический интервал между 1186 и 1197 гг., исследователь трактует его как „полное восстановление той государственной и политической модели, которая была создана в эпоху царя Симеона“⁶⁷. Однако, согласно И. Божилову, политическая теория – это одно, а политическая действительность – нечто совершенно иное, когда в интересах практического обоснования замысливаемых братьями Асеновцами перемен был необходим некий провиденциальный знак свыше⁶⁸. В качестве такого знака И. Божилов видит участие св. Димитрия, „исполнителя Божией воли и защитника самих Асеновцев“⁶⁹. Как и в „Династии Асеновцев“, И. Божилов сводит роль Петра в восстании только к представительским функциям, тогда как реальное лидерство историк оставляет за Иваном I Асенем, „идеологом“ выступления, автором программы возобновления царства⁷⁰. В дальнейшем И. Божилов неоднократно подчеркивает „воинские качества и доблесть, тактическое мастерство и стратегическое мышление“⁷¹ Ивана Асеня. Именно с достоинствами младшего из предводителей восстания, согласно исследователю, связано такое явление первых десяти лет истории Второго Болгарского царства как двоевластие, когда во главе страны находились, по сути, два человека – Петр и Асень⁷². В отношении Петра И. Божилов придерживается традиционной для болгарской историографии версии о его пребывании в собственном апанажном владении с центром в старой столице Первого Болгарского царства, Преславе, и фактическом устранении от реальной политической власти.

Свое оригинальное видение событий конца XII в. представил известный тырновский историк Й. Андреев в рамках обобщающего труда, посвященного истории Второго Болгарского царства и увидевшего свет в 1996 г.⁷³ Несмотря на то, что восстание Петра и Асеня рассматривается исследователем в традиционных для болгарской историографии предшествующего периода категориях „освободительной борьбы“ против византийского „рабства“, Й. Андреев подробно анализирует причины восстания, уделяя особое внимание воздействию климатических факторов, трактованных средневековым человеком как предзнаменования будущих перемен, и „идеологическому воздействию“, к которому прибегли Асеновцы, чтобы поднять своих соплеменников на восстание. Утверждая, что движение носило „болгарский характер“, Андреев не снижает роли в нем и других этнических групп, компактно проживавших в северо-восточной части бывших владений Первого Болгарского царства. Ограничивая хронологически период „становления Второго царства“ 1186–1196 гг., автор подробно характеризует дальнейшее раз-

вите Болгарии и рассматривает его как период „реализации политической и национальной доктрины“, причем важнейшим условием для этой реализации было „болгарское народное самосознание“⁷⁴.

Болгарская историография в начале третьего тысячелетия: новые горизонты.

С началом нового тысячелетия, в 2000-е годы, интерес к отдельным нюансам восстановления Болгарского царства переходит на „второй круг“: хорошо известные факты интерпретируются в новом ключе, в научный аппарат вводится новая методология, наряду с заслуженными исследователями в научной дискуссии звучат голоса молодых ученых.

Новый подход к истории событий 1185–1204 гг. демонстрирует известный болгарский медиевист Хр. Матанов. В своей работе „Средневековые Балканы“⁷⁵ он отказывается от принятого в болгарской исторической науке узко „национального“, страноведческого „формата“ и рассматривает историю Болгарии в контексте развития всего балканского региона. В его интерпретации восстание Петра и Асеня — это не что иное, как проявление местного сепаратизма, которым были охвачены Балканы, Кипр и ряд малоазийских провинций Византии. Основные причины усиления центробежных тенденций на Балканах в конце XII – начале XIII в. Хр. Матанов видит в политике императоров из династии Комнинов, взявших курс на поощрение провинциальной военной аристократии, крупных земельных собственников⁷⁶. Новая династия Ангелов, пришедшая к власти в 1185 г., лишь ускорила развитие процесса своей недалековидной и негибкой политикой. В свою очередь, балканские мятежные провинции, провозгласившие свою независимость, прежде всего Сербия и Болгария, быстро втягиваются в европейскую дипломатическую игру и искусно лавируют между Византией и Западом, создавая тем самым на Балканах „специфическую геополитическую обстановку“⁷⁷. По Хр. Матанову, дальнейшая жизнеспособность новых образований определялась наличием некоей местной политической традиции, однородностью этнического состава населения и географическим фактором⁷⁸.

Структуралистский подход к процессу восстановления Болгарского царства предложил И. Лазаров. В центре внимания исследователя оказывается такая „иррациональная“ категория как массовое сознание средневековых болгар, а также те инструменты, с помощью которых светской власти удавалось „манипулировать“ сознанием своих соплеменников – т. е. „политическая идеология“⁷⁹. Период становления Второго Болгарского царства в XII–XIII вв. становится для И. Лазарова наглядным примером такой „манипуляции“. В рамки идеологии исследователь включает, например, религиозную празднично-обрядовую систему, которая оказывала исключительное психологическое воздействие на средневековых болгар; процессы сакрализации и „харизматизации“ царской власти, в которых использовались трофейные византийские регалии императорской власти; употребление определенных царских имен, фигурировавших в апокрифических сказаниях и народных легендах, и, наконец, культы святых.

И. Лазаров отмечает, что в условиях постоянной борьбы между представителями болгарской знати за влияние Асеневам было необходимо „выделиться“, чего они и достигали посредством своей харизмы успешных лидеров, „воинской доблести“ в сражениях с Византией, однако эта „воинская доблесть“ не решала противоречий внутри семейного клана самих Асеневцев. Урегулировать эти противоречия, по мнению И. Лазарова, должен был институт „совладательства“ – т. е. наличия одновременно двух правителей, при ведущей роли одного и вспомогательной роли другого⁸⁰. Этим исследователь объясняет „двоевластие“ Петра и Асеня, когда при решении внешне- и внутривнутриполитических вопросов в качестве главы государства выступал то один, то другой правитель.

Наиболее яркой тенденцией в болгарской историографии последних лет становится широкое применение комплексного подхода при оценке событий конца XII–начала XIII в. Среди работ этого направления стоит отметить вниманием обобщающие труды Г. Николова „Болгары и Византийская империя“⁸¹, „Внутриполитическое развитие возобновленного Болгарского царства (конец XII – конец XIII вв.): факторы и проблемы“⁸² и „Самостоятельные и полусамостоятельные владения в возобновленном Болгарском царстве (конец XII – начало XIII в.)“⁸³.

Опираясь на новейшие археологические данные, исследователь опровергает представление о том, что в XI–XII вв. болгарские провинции Византии находились в состоянии экономического упадка, вследствие чего введенный в 1185 г. чрезвычайный налог должен был переполнить чашу народного терпения. Увеличение денежного оборота на болгарских территориях во второй половине XII в. позволяет сделать вывод о том, что значительная часть населения в имущественном отношении была достаточно состоятельной, а финансирование болгарскими строительства и украшения новых храмов, рост числа заказов церковнобogosлужебных книг на славянском языке, активное участие в военных кампаниях Византии и появление среди болгар прослойки „новой“ знати, людей, „приобщенных к византийской армии, держателей проний“⁸⁴, представляет положение болгарских провинций империи в несколько ином свете, нежели „порабощение“ местного населения „иноземными захватчиками“ или противостояние „угнетенного“ болгарского народа „византийскому игу“. Именно „растущая экономическая мощь“ болгарских земель вместе с „желанием возвращения им политической свободы и возобновления раннесредневекового Болгарского царства“⁸⁵, стали главными причинами восстания Петра и Асеня 1185–1186 гг.

Несмотря на ряд критических замечаний, в целом, автор следует классическому университетскому направлению, заложенному еще историками-позитивистами начала XX в. Так, продолжая линию В. Златарского, автор утверждает, что „Асенеvцы были потомками болгарина Борила, который в конце XI века занимал высокое положение в Константинополе“, однако не отрицает и того, что „впоследствии, вероятно, кто-то из наследников рода Борила был связан с половцами“⁸⁶. В отличие от И. Божилова, отрицающего заключение перемирия между Византией и Болгарией в 1187 г. и считающего Ловечский договор плодом фантазии В. Златарского⁸⁷, Г. Николов убежден, что „заключение мира между Болгарским царством и Византийской империей в крепости Ловеч ознаменовало собой признание возобновленного Болгарского царства со стороны другого государства“⁸⁸. При этом, рассматривая период с 1185 по 1204 г., автор стремится совместить „балканистический“, „болгаристический“ и „византиноведческий“ ракурсы исследования, учитывая и общую ситуацию на Балканах, и особенности внутреннего развития болгарских земель, и кризисные явления в рамках Византийской империи как целого.

Несмотря на то, что автор однозначно оценивает становление Второго Болгарского царства как „возобновление“ Болгарии, видит в действиях Асенеvцев стремление обосновать преемственность нового политического образования по отношению к Первому царству, немаловажное воздействие на развитие болгарской государственности оказывало многолетнее пребывание в составе Византии. По мнению исследователя, Асенеvцы позаимствовали у византийцев не только какие-то внешние атрибуты (будь то титулатура правителей, их инсигнии, наименования должностных лиц и т. п.) – само политическое устройство возобновленной Болгарии копировало (хотя и не целиком) государственную структуру Византии времен поздних Комнинов и Ангелов⁸⁹. Это, в свою очередь, обусловило наличие в державе Асенеvцев с самых первых лет ее существования центробежных тенденций, практики заговоров и дворцовых переворотов, присущих Византии XI–XII вв. Наглядным проявлением этих тенденций становится появление в болгарских землях в конце XII – начале XIII в. нескольких самостоятельных политических образований: т. н. „Петровой“ земли (апанажа старшего Асенеvца), владений Добромира Хриза, Иванко и Иоанна Спиридонаки. Будучи „серьезным симптомом долгого процесса политической децентрализации и дезинтеграции Болгарии“, эти недолговечные владения, по замечанию Г. Николова, сыграли, тем не менее, положительную роль в становлении государственности болгар⁹⁰. Источники не зафиксировали ни одного выступления этих правителей против царства Асенеvцев: наоборот, осуществляя совместные действия против Византии, полусамостоятельные владения выступали как своего рода „сателлиты“ Болгарского царства⁹¹. По мнению Г. Николова, их появление и развитие показывают специфику болгарской государственности и ее структуры с конца XII по середину XIII в.⁹²

Новые тенденции обозначились и в работах Д. Чешмеджиева⁹³ и И. Билярского⁹⁴. Характеризуя средневековую Болгарию в духе предложенной в свое время Н. Йоргой формулы „Византия после Византии“⁹⁵, исследователи рассматривают события 1185–1204 гг. как воспроизведение болгарскими религиозно-политической практики Византийской империи, в рамках которой первые Асеневицы, опираясь на культы тех или иных святых, искали свою „квазирелигиозную идентичность“⁹⁶. Если статья Д. Чешмеджиева посвящена исключительно развитию и роли культа праведного царя Петра в истории средневековой Болгарии, включая и Второго Болгарского царства⁹⁷, то в центре внимания И. Билярского оказывается не только пантеон святых „покровителей царства“, но и деятельность болгарских правителей по перенесению и собиранию священных реликвий.

И. Билярский условно подразделяет средневековые культы на две основные категории: „царские“, которые предполагали почитание праведных правителей, и „градозащитные“, связанные с покровительственным отношением святого к определенному городу. В качестве главного „царского“ культа в Болгарии автор рассматривает почитание праведного царя Петра, который сделал из Болгарии настоящую христианскую державу „византийского типа“⁹⁸. В качестве „градозащитных“ исследователь выделяет, прежде всего, культ Богородицы, покровительницы „царствующего града“ Константинополя, почитание которой было сопряжено в Болгарии с культом св. Параскевы-Петки⁹⁹, и культ св. Димитрия Солунского, использованный Асеневицами во время восстания 1185–1186 гг. для легитимации власти¹⁰⁰. Период с 1185 по 1204 гг. интересует автора, прежде всего, как переломный момент в религиозно-политической практике средневековой Болгарии. Согласно исследователю, именно в это время достигает своего апогея культ праведного царя Петра, что выражается в принятии имени „Петр“ одним из Асеневицев во время восстания 1185–1186 гг., после чего „царские культы“ перестают играть первостепенную роль, а новая власть переходит к использованию „градозащитных“ культов. Это фактически означает смену „религиозной идентичности“ Первого Болгарского царства (которую оно вместе с принятием христианства позаимствовало у Византии IX века) на иную идентичность, связанную с Византией Комниновского периода (1081–1185), где превалировала концепция „богоспасаемого града“ как источника „божественной благодати“ для всего царства¹⁰¹.

В атмосфере возросшего интереса к роли реликвий и культов святых в укреплении политической власти к этой теме обращаются и современные „классики“ болгарской историографии: В. Гюзелев и К. Паскалева в работах 2006 г. „Чудотворная икона св. Димитрия Солунского в Тырново в 1185–1186 гг.“¹⁰² и „Что обнаружил в Тырново Исаак II Ангел“¹⁰³.

Для В. Гюзелева чудотворный образ св. Димитрия, использованный Асеневицами для легитимации своего выступления и своей власти — это, прежде всего, символ, „одна из основ болгарской религиозности и веры в существование возобновленного царства“¹⁰⁴. В свою очередь, К. Паскалеву этот образ интересует именно как материальный, художественный объект — его внешний облик и конкретный характер, был ли он „иконой“ в современном понимании этого слова или же шитым тканым покровом.

Оба исследователя рассматривают обстоятельства появления святыни в столице восстания Тырново, развитие культа св. Димитрия на болгарской почве, анализируют связь между перенесением реликвии и строительством Асеневицами храма в честь св. Димитрия, воздействие чудотворного образа на религиозно-политическое сознание населения болгарских земель. Несмотря на разницу в профессиональных подходах, и В. Гюзелев, и К. Паскалева независимо друг от друга приходят к выводу о том, что решающую роль в восстании 1185–1186 гг. сыграла „мистическая идея“¹⁰⁵, связанная с культом св. Димитрия. И что именно внешний облик чудотворного образа и его специфические свойства (мироточение) должны были убедить восставших в реальности самого главного и желаемого для них „чуда“: перемещения в Тырново вместе с этим образом (иконой или шитым покровом) чудотворного потенциала и покровительства св. Димитрия.

Отдельного внимания в свете тенденций последних лет заслуживает монография М. Каймакамовой „Власть и история в средневековой Болгарии (VII–XIV в.)“¹⁰⁶. Опираясь такими категориями как „историческая пропаганда“, „историческая память“, „историческая традиция“, автор обращается к исследованию средневековой исторической культуры и проблеме использования исторических знаний в политических интересах. Так, обращаясь к периоду возобновления Болгарского царства, М. Каймакова утверждает, что, эксплуатируя идею преемственности между своей, „возобновленной“ Болгарией и Первым Болгарским царством, Асеневцы руководствовались чувством „историчности“¹⁰⁷. На следовании болгарской традиции основывалась и „фамильная стратегия“ Асеневцев, стремившихся превратить свой род в династию: принятие старшим братом Феодором символического для болгар (в связи с образом одного из последних царей Первого царства) имени „Петр“, формирование культа „фамильного“ святого – великомученика Димитрия Солунского¹⁰⁸. По мнению М. Каймакамовой, знание о „древних царях“ Петре, Самуиле и других, которыми оперировал царь Калоян в переписке с Римской курией, было почерпнуто им из болгарских царских летописей. Наличие собственной библиотеки и собрания исторических сочинений обуславливалось не столько любознательностью самих Асеневцев и их предков, сколько прагматичными соображениями и утвердившейся еще в Первом Болгарском царстве традицией, по которой правитель был обязан контролировать историческое знание и его употребление¹⁰⁹.

Наконец, с началом 2000-х годов обнаруживает себя „новая волна“ интереса и к топографии средневекового Тырново, что является следствием новых масштабных археологических раскопок, давших интереснейшие результаты. В рамках соответствующего ежегодного издания („Археологические открытия и раскопки“) публикуются сведения о недавно открытых объектах на холме Трапезица, дается их приблизительная датировка¹¹⁰. Более того, в 2011 г. даже начинает издаваться специальный обобщающий труд „Археологические исследования средневекового города Трапезица“, где конкретный археологический материал не только систематизируется, но и интерпретируется силами исследователей разных специальностей (от нумизматов до искусствоведов), с приложением подробных таблиц, карт и иллюстраций¹¹¹.

2000-е гг. становятся переломными и в истории вопроса о датировке и идентификации сохранившегося в Тырново (и в свое время реконструированного в этом качестве) храма св. Димитрия. В „Известиях Национального исторического музея“ появляется статья В. Димовой с критикой относительно принятой до сих пор датировки этого объекта¹¹². Констатируя несоответствие использованной при его возведении строительной техники реалиям XII в., исследовательница относит храм к концу XIV в. Тем самым сомнению подверглась идентичность храма тому „молитвенному дому“, который был построен Асеневцами при подготовке к восстанию. В ответ, в 2005 г. выходит исследование Я. Николовой и М. Рובה „Храм первых Асеневцев“, ставшее итогом многолетнего изучения этого объекта и прилегающих к нему монастыря и некрополя и отражающее „официальную“ версию относительно локализации храма¹¹³. Несмотря на новую ответную публикацию В. Димовой 2008 г.¹¹⁴, „официальная“ версия продолжает доминировать и находить поддержку в ряду наиболее авторитетных представителей болгарской исторической науки, так что окончательно опровергнуть ее пока не представляется возможным.

Итак, развитие новейшей болгарской историографии происходило в сложных внутри- и внешнеполитических условиях. Под влиянием начавшегося „возродительного процесса“ и торжественного празднования в 1985 г. 800-летия восстания Петра и Асеня главная задача исторических работ о событиях конца XII – начала XIII в. сводилась к тому, чтобы подчеркнуть не только „национальный“ характер династии Асеневцев, но и целостность, „монолитность“ болгарского народа еще в Средневековье. Основными достижениями этого периода становится „обобщение итогов“ историографии предшествующего периода, систематизация и введение в национальную образовательную и

культурную практику накопленных ранее знаний и издание основного корпуса письменных источников, относящихся к событиям конца XII – начала XIII вв. в рамках серии „Источники по истории Болгарии“.

В начале 1990-х годов в связи с падением коммунистического режима и „железно-го занавеса“ в болгарской медиевистике усиливается влияние французской и немецкой исторической школы, начинается ее постепенная интеграция в мировую науку. Характерной особенностью работ, написанных в этот время, становится повышенное внимание к тем „неудобным вопросам“, которые так упорно обходили своим вниманием авторы работ 1980-х годов. Пока молодое поколение накапливает опыт, в авангарде „обновления“ болгарской медиевистики выступают историки старшего поколения, давно сформировавшиеся как профессионалы и прошедшие в свое время западноевропейскую школу, а потому сумевшие быстро адаптироваться к новым условиям. В 2000-е годы интерес к отдельным нюансам восстановления Болгарского царства переходит в новую стадию: впервые за достаточно длительное время представители болгарской историографии пытаются выйти за рамки собственной, национальной истории и применить к событиям восстановления Болгарского царства иной формат. Наглядными примерами тому служат работы Хр. Матанова, выполненные в ракурсе исторической балканистики, И. Лазарова, рассматривающего события конца XII – начала XIII в. со структуралистских позиций. Вместе с тем не прекращаются и исследования в традиционном для болгарской историографии направлении – в „формате“ „национально-политической“ истории, где, впрочем, также применяются новые исследовательские подходы. В ряду работ этого рода особого внимания заслуживают новейшие публикации В. Гюзелева, Г. Николова, М. Каймакамовой и Пл. Павлова. Наконец, раздвигаются и тематические рамки исследований: все больше внимания уделяется проблеме сакрального, роли культов святых и их реликвий в политике средневековой Болгарии — теме, давно ставшей „классической“ для представителей западной историографии.

¹ *Златарски, В.* История на българската държава през средните векове. Том II. България под византийско владичество (1018–1187). София, 1934.

² *Ников, П.* Второ Българско царство (1186–1396). София, 1937.

³ *Мутафчиев, П.* История на българския народ. – В: Съчинения на професор Петър Мутафчиев, т. 2. София, 1944.

⁴ *Дуйчев, И.* Проучвания върху българското средновековие. София, 1945; *Id.* Проучвания върху средновековната българска история и култура. София, 1981.

⁵ *Търкова-Займова, В.* Restauration de la Bulgarie par les Assenides (Problèmes du pouvoir). – Etudes Balkaniques, 1985, № 3, p. 27–36.

⁶ *Божилков, И.* Фамилията на Асеневици. Генеалогия и просопография. София, 1985; *Id.* Седем етюда по Средновековна история. София, 1995.

⁷ История на България в 14 тт, т. 3. Втора българска държава. София, 1982.

⁸ *Никита Хониат.* История. – В: ГИБИ, т. 11. София, 1983, с. 8–93; *Георги Акрополит.* История. – В: ГИБИ, т. 8. София, 1972, с. 150–213.

⁹ *Петров, П.* Възстановяване на българската държава (1185–1197 г.). София, 1985.

¹⁰ *Id.* Търново в политическата история на България (1185–1393). – В: История на Велико Търново, т. 1. София, 1986, с. 85–120.

¹¹ *Id.* Възстановяване на българската държава (1185–1197 г.)..., с. 59.

¹² *Ibid.*, с. 61.

¹³ *Ibid.*, с. 87.

¹⁴ *Id.* Търново в политическата история..., с. 88–89.

¹⁵ *Ibid.*, с. 89.

¹⁶ *Ibid.*, с. 90.

¹⁷ *Id.* Възстановяване..., с. 101.

¹⁸ *Id.* Търново в политическата история..., с. 91.

¹⁹ *Id.* Възстановяване..., с. 275.

²⁰ *Данчева-Василева, А.* Възобновяване и укрепване на българската държава (1186–1197 г.). – ИПр., 1985, год. XLI, кн. 9–10, с. 37–53.

²¹ *Ibid.*, с. 46.

²² *Ibid.*, с. 53.

- ²³ *Павлов, Пл.* Борбата на българския народ против византийското владичество и въстанието на Петър и Асен. Велико Търново, 1985, с. 1–25.
- ²⁴ *Ibid.*, с. 2.
- ²⁵ *Ibid.*, с. 15.
- ²⁶ *Ibid.*, с. 25.
- ²⁷ *Търкова-Займова, V.* Restauration de la Bulgarie par les Assenides (Problèmes du pouvoir)..., р. 27–36.
- ²⁸ *Божилков, И.* Фамилията на Асеновци (1186–1460). Генеалогия и просопография. София, 1985.
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ *Ibid.*, с. 31.
- ³¹ *Ibid.*, с. 33.
- ³² *Ibid.*, с. 34.
- ³³ *Ibid.*, с. 36.
- ³⁴ *Ibid.*, с. 12–19.
- ³⁵ *Ibid.*, с. 12.
- ³⁶ *Ibid.*, с. 17.
- ³⁷ *Ibid.*, с. 19.
- ³⁸ *Ibid.*, с. 28.
- ³⁹ *Ibid.*, с. 35.
- ⁴⁰ *Ibid.*, с. 31.
- ⁴¹ *Попов, А.* Асеновци и „Новият град“ в Търново. – *Векове*, 1985, № 4, с. 5–10.
- ⁴² *История на Велико Търново.* София, 1986, с. 231–282.
- ⁴³ *Ibid.*, с. 271.
- ⁴⁴ *Ibid.*, с. 272.
- ⁴⁵ *Теофилов, Т.* Изследвания върху проблема за стилова реконструкция на църквата „Св. Димитър“ във Велико Търново. – *Годишник на музеите от Северна България*, 1991, № 17, с. 67–87.
- ⁴⁶ *История на Велико Търново.* София, 1986, с. 68–81; *Алексиев, Й.* Предстоличният Търнов. – *Сборник в чест на акад. Д. Ангелов.* София, 1994, с. 196–200.
- ⁴⁷ *Алексиев, Й.* Бележки за ранната история на търновските манастири. – *Studia protobulgarica et mediaevalia eugorensia.* Велико Търново, 1992, с. 189–196.
- ⁴⁸ *История на Велико Търново.* София, 1986, с. 70.
- ⁴⁹ *Ibid.*, с. 71.
- ⁵⁰ См., например: *Николов, Г.* На митинг в манастир „Хаджи Димитър“ Асен и Петър произнесли речи. – 168 часа, 1992, № 33, с. 27.
- ⁵¹ *Павлов, Пл.* Средновековна България и куманите. Военнополитически отношения (1186–1241 г.). – *Трудове на Великотърновския университет „Св. св. Кирил и Методий“.* Исторически факултет, т. 27, кн. 3, 1989. Велико Търново, 1992, с. 9–61.
- ⁵² *Ibid.*, с. 46.
- ⁵³ *Id.* Средновековна България и куманите..., с. 17.
- ⁵⁴ *Ibid.*, с. 26.
- ⁵⁵ *Петкова, И.* Някои моменти от развитието на взаимоотношенията на Византия и българските земи през XI–XII век. – *Средновековните Балкани: политика, религия, култура.* София, 1999, с. 89–94.
- ⁵⁶ *Ibid.*, с. 89–91.
- ⁵⁷ *Ibid.*, с. 91–94.
- ⁵⁸ *Илиева, Л.* Българските земи под византийска власт в края на XI–XII век. Автореферат. София, 2007.
- ⁵⁹ *Ibid.*, с. 11.
- ⁶⁰ *Ibid.*, с. 13.
- ⁶¹ *Божилков, И.* Седем етюда по средновековна история. София, 1995, с. 159–162.
- ⁶² *Lemerle, P.* Cinq études sur le XI siècle Byzantin. Paris, 1977.
- ⁶³ *Божилков, И.* Седем етюда..., с. 162.
- ⁶⁴ *Ibid.*, с. 137–141.
- ⁶⁵ *Ibid.*, с. 164–165.
- ⁶⁶ *Божилков, И., Гюзелев, В.* История на средновековна България. VII–XIV век (=История на България в три тома. Т. I). София, 1999, с. 421–526.
- ⁶⁷ *Ibid.*, с. 421.
- ⁶⁸ *Ibid.*, с. 424.
- ⁶⁹ *Ibid.*, с. 425.
- ⁷⁰ *Ibid.*, с. 429.

- ⁷¹ Ibid., с. 433.
- ⁷² Ibid., с. 430.
- ⁷³ *Андреев, Й.* История на Второто българско царство. Велико Търново, 1996.
- ⁷⁴ Ibid., с. 20–42.
- ⁷⁵ *Матанов, Хр.* Средновековните Балкани. Исторически очерци. София, 2002.
- ⁷⁶ Ibid., с. 162–166.
- ⁷⁷ Ibid., с. 214.
- ⁷⁸ Ibid., с. 215.
- ⁷⁹ *Лазаров, И.* Политическа идеология на Второто българско царство XII–XIII в. Генезис. В. Търново, 2003.
- ⁸⁰ *Id.* Политическа идеология..., с. 30–49.
- ⁸¹ *Николов, Г.* Българите и Византийската империя (август – ноември 1185 г.). – В: Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006, с. 597–617.
- ⁸² *Id.* Вътрешнополитическото развитие на възобновеното Българско царство (края на XII – края на XIII в.): фактори и проблеми. – В: Сборник радова Византолошког института. Београд, 2009, т. 36, с. 167–177.
- ⁸³ *Id.* Самостоятелни и полусамостоятелни владения във възобновеното Българско царство (края на XII – средата на XIII в.). София, 2011.
- ⁸⁴ *Id.* Българите и Византийската империя..., с. 598.
- ⁸⁵ Ibid., с. 606.
- ⁸⁶ Ibid., с. 599.
- ⁸⁷ *Божилков, И.* Седем етюда по средновековна история. София, 1995, с. 159–162.
- ⁸⁸ *Николов, Г. Н.* Българите и Византийската империя..., с. 614.
- ⁸⁹ *Id.* Вътрешнополитическото развитие..., с. 168.
- ⁹⁰ *Id.* Самостоятелни и полусамостоятелни владения..., с. 228.
- ⁹¹ Ibid., с. 226.
- ⁹² Ibid., с. 225.
- ⁹³ *Чеимеджиев, Д.* Няколко бележки за култа към цар Петър I (927–965). – В: Християнската традиция и царската институция в българската култура. Шумен, 2003, с. 23–37.
- ⁹⁴ *Биярски, И.* Покровители на Царството. Св. цар Петър и св. Параскева-Петка. София, 2004.
- ⁹⁵ *Курбатов, Г. Л.* История Византии. Ленинград, 1975, с. 177–178.
- ⁹⁶ *Биярски, И.* Покровители..., с. 9.
- ⁹⁷ *Чеимеджиев, Д.* Няколко бележки за култа към цар Петър I (927–965)..., с. 36–37.
- ⁹⁸ *Биярски, И.* Покровители..., с. 33.
- ⁹⁹ Ibid., с. 41.
- ¹⁰⁰ Ibid., с. 40.
- ¹⁰¹ Ibid., с. 29.
- ¹⁰² *Гюзелев, В.* Чудотворна икона на св. Димитър Солунски в Търново през 1185–1186 г. – В: Любен Прашков реставратор и изкуствовед. София, 2006, с. 36–39.
- ¹⁰³ *Паскалева, К.* Какво е открил Исаак II Ангел в Търново (една хипотеза). – В: *Studia Balcanica*, т. 25. Византия – Балканите–Европа. София, 2006, с. 634–647.
- ¹⁰⁴ *Гюзелев, В.* Чудотворна икона..., с. 38.
- ¹⁰⁵ Ibid., с. 38.
- ¹⁰⁶ *Каймакамова, М.* Власт и история в средновековна България (VII–XIV век). София, 2011.
- ¹⁰⁷ Ibid., с. 221.
- ¹⁰⁸ Ibid., с. 223–224.
- ¹⁰⁹ Ibid., с. 230.
- ¹¹⁰ *Алексиев, Й.* Разкопки на манастира „Св. Йоан Рилски“ на Трапезица (сектор Югозападен). – В: Археологически открития и разкопки през 2007. София, 2008, с. 675–681; *Тотев, К., Дерменджиев, Е., Караишев, П.* Велико Търново. Крепостта Трапезица. Археологически разкопки в сектор „север“. – В: Археологически открития и разкопки..., с. 610–614; *Дочев, К.* Трапезица, Югозападен сектор. – В: Археологически открития и разкопки през 2008. София, 2009, с. 504–506.
- ¹¹¹ *Тотев, К., Дерменджиев, Е., Караишев, П., Косева, Д.* Археологически проучвания на средновековния град Трапезица. Сектор Север, т. 1. Велико Търново, 2011.
- ¹¹² *Димова, В.* Църквата „Св. Димитър“ във Велико Търново. – Известия на националния исторически музей, 2000, № 11, с. 293–300.
- ¹¹³ *Николова, Я., Робов, М.* Храмът на първите Асеневци. Църквата „Св. Димитър“ във Велико Търново. Велико Търново, 2005.
- ¹¹⁴ *Димова, В.* Църквата „Св. Димитър“ в Търново. – В: Църквите в България през XIII–XIV век. София, 2008. С. 257–260.